Анна Ищенко: В архитектуре и градостроительстве нужны и талант, и чувство места, но главное – опыт

Архитектурное бюро Wowhaus известно проектами, которые можно назвать знаковыми. Мы поговорили с директором Wowhaus ***Анной Ищенко*** *о том, как при помощи масштабных архитектурных проектов вдохнуть новую жизнь в старые здания и территории, насколько реализация смелых проектов зависит от умения заказчика видеть перспективы, а также о том, что не всё зависит от количества вложенных средств.*

Беседовал глава ЦСП «Платформа» Алексей Фирсов.

– Анна, давайте поговорим о том, как архитектурные решения могут помочь конкуренции городов. В профессиональной среде любят ссылаться на «эффект Бильбао». Построили одно нестандартное интересное здание – и город преобразился, обрел популярность, стал культурным и туристическим центром Испании. Можно за счет какой-то сильной архитектурной идеи изменить город?

–Конечно же, «эффект Бильбао» – это маркетинговое название. Был мало кому известный город Бильбао, там построили Музей современного искусства Гуггенхайма – и в один день всё изменилось… Однако это лишь верхушка айсберга. Потому что прежде, чем построить музей, в Бильбао было вложено огромное количество средств для ревитализации города – в транспорт, дороги, инженерные сооружения. Там много всего появилось, а

музей сработал как туристический магнит. Но для экономического эффекта от туристического потока нужна инфраструктура – гостиницы, рестораны, магазины и при этом комфорт, чтобы турист оставался в городе как можно дольше. Если бы Бильбао оставался пыльным, малоинтересным индустриальным городом, где вдруг внезапно появился музея мирового уровня, так бы не получилось.

– Бывают ли провальные проекты, когда деньги затрачены огромные, а проект не «выстрелил»?

–Есть примеры, когда вкладываются фантастические деньги в архитектурный объект, но он не оправдывает надежд. Как правило, это случается, когда без учета контекста решают применить модную на тот момент концепцию. У нас в России (как и во многих странах в мире) города строились на реках. Река была основным видом внутреннего и междугородного транспорта. Сейчас эта функция от реки ушла, и постепенно везде появляются пешеходные прогулочные набережные. Сделать набережную на месте дикого берега или речного порта – дорогое удовольствие. Но, к сожалению, во многих городах набережные остаются пустыми, несмотря на потраченные на них миллиарды. Это мы видим на примере Вологды, где забетонировали замечательный природный ландшафт, на примере Уфы…

– И просчитать это было невозможно?

– Почему, возможно. Просто сейчас есть убеждение, что каждому городу нужна набережная. Но надо понимать, как набережная работает. Зачем люди сюда приходят, какими маршрутами, в чем их интерес. Кто-то об этом думает, а кто-то – нет.

Другой пример – уже из мировой практики. Есть знаменитый испанско-швейцарский архитектор Сантьяго Калатрава известный тем, что он делает большие, красивые, очень дорогие объекты. Потом большинство из них оказываются экономически убыточными. Музей науки и искусств в Валенсии, который постепенно по чуть-чуть разваливается и невероятно дорого стоит в обслуживании для городского бюджета; мост в Венеции, где тысячи людей сломали ноги и который недавно, наконец-то, переделали после миллионов жалоб на него… Бывает такое…

Архитектор, конечно, часто себя считает неким демиургом, человеком, который создает миры. Да, архитектор – важная сила, но он выступает не соло. Любой градостроительный или архитектурный проект – это командная игра.

– А кто работает в этой команде: инженеры, мастера, проектировщики..?

–Ключевым игроком в истории успеха является заказчик. Если сравнить такой проект с кинопроцессом, то заказчик – это кинопродюсер.
Его задачи – нанять правильных людей, найти финансирование, а цель – получить успешный проект. Архитектор – это, наверное, сценарист и режиссер. Задача архитектора – придумать идею, благодаря которой проект станет успешным, и вместе с конструкторами, инженерами, другими техническими специалистами довести его до реализации, при этом не забывая о целях и задачах, которые ставит заказчик. Как показывает опыт, самым успешным бывает результат в таких проектах, когда архитектор, заказчик и остальные участники процесса выступают партнерами. Не борются друг с другом, не с кровью отстаивают решения, а вместе идут к результату.

Был у нас проект, мы называем его «эффект Тулы». К нам пришли с довольно определенной задачей: сделать парк на реке.

В Туле есть кремль, который, будучи построен как крепость, естественно, стоит на реке. Внутри кремля – музейный комплекс, снаружи – центр города. Но вот на кремлевскую набережную попасть было нельзя: более 100 лет эта территория принадлежала Тульскому оружейному заводу. Заводу это место больше не требовалось, и он был готов отдать его городу.

Завод размещался на двух берегах реки: основная его часть – на одном, а подсобные постройки, склады – на противоположном, прямо под стеной кремля. До того как мы туда пришли, в Туле 10 лет велись дебаты, в том числе среди архитекторов, о том, что же с этой набережной делать. Когда нас наняли на эту работу, мы встречались с местными архитекторами и обсуждали идеи, которые они уже придумали. Одним из популярных предложений было проложить там автостраду, поскольку город задыхается в пробках.

Рядом проходит улица Металлистов, бывшая Пятницкая, главная торговая купеческая улица. Там особняки XIX века, их периодически реставрировали, но, кроме ломбардов и автосервисов, никакой жизни не заводилось. И мы придумали, что здесь надо сделать единый пешеходный маршрут с этой набережной, сделать и набережную, и улицу Металлистов пешеходными.

Улица и набережная расположены как бы под углом. И вот внутри этого угла находилось много разных переулочков, домов. В нашем проекте мы эти дома и переулки не трогали, поскольку были абсолютно уверены, что, как только начнется развитие территории, там жизнь появится сама. Ровно это и произошло!

Огромной проблемой было то, что в этом историческом центре и инженерные коммуникации были… исторические. К домам не были подведены канализация, отопление, газ. Люди жили в особняках, по сути, как в бараках. Топили углем, туалет во дворе… Какие уж тут гостиницы для туристов. Первое, что было необходимо сделать, – ко всем этим домам подвести коммуникации. И две трети бюджета, который был выдан на этот проект, были вложены в системы жизнеобеспечения. В итоге центр города заработал. Это и есть тот самый «эффект Тулы».

Это была именно командная игра. Руководство региона, города, сильнейшая команда проектировщиков и строителей… приходилось совместно принимать много решений, которые для Тулы были совершенно не очевидны. И только совместная воля и четкая нацеленность на результат помогли реализовать проект, который (не побоюсь этого слова) стал для города прорывным.

– Как Вы взаимодействуете с местными архитекторами, местным креативным классом? Не раз приходилось слышать о конфликтах между чужаками и местными в отношении не только архитектурных решений, но и многих культурных проектов: мол, пришли москвичи, у которых и так денег, как фантиков, и отняли у местных работу.

–В архитектуре и градостроительстве необходимы и талант, и чувство места, а главное – опыт, важнейшая вещь в архитектурной профессии. И компания, работающая с 20 территориями, априори будет иметь больше опыта и реализованных проектов, чем компания, работающая на 1 территории. Вообще в мире 95% архитекторов работают локально. И это нормально, когда ты местный архитектор. Рядовая застройка так и должна происходить. Но когда городу нужен прорыв, когда ему нужно то, чего он раньше никогда не делал, тогда логично позвать кого-то, кто поможет этот прорыв осуществить. Скорее всего, это

будет не местный человек.

— Есть в России примеры городов, кроме Москвы и Петербурга, где концентрируются интересные локальные архитектурные направления?

— Не могу не отметить Казань, которая развивается невероятными темпами. Казань замечательно умеет работать с архитектурным наследием. Она его не «мумифицирует», а включает, не боясь, в него современные элементы, делает его живой, органичной частью города. Это относится и к периоду советского модернизма, который, к сожалению, у нас повсеместно не ценят. А в Казани здание Ленинского мемориала, по идеологическим причинам отжившее свой век, гениально приспособили к современному использованию: там теперь национальная библиотека, которая одновременно книжный магазин, кафе, популярное место для встреч и интеллектуального досуга. Ну и, конечно же, только что открывшееся новое здание Театра Камала на берегу озера Кабан, которое мы проектировали совместно со знаменитейшим японским бюро Kengo Kuma & Associates. Это одновременно и очень современное, яркое, острое здание, и очень укорененное в местную традицию. При любом взгляде на этот дом вы увидите татарские орнаменты, которые буквально пронизывают его. И эти орнаменты придумала художница из Казани Наиля Кумысникова.

Ну и, конечно же, это Екатеринбург, столицу русского архитектурного авангарда. Это единственное место в России, где до сих пор успешно функционирует архитектурное издательство «Татлин». Там есть живое профессиональное сообщество, там появляется качественная архитектура. Один из самых прогрессивных и качественных девелоперов России, «Брусника» — из Екатеринбурга.

— А что делает «Бруснику» самой прогрессивной?

— Они на шаг вперед думают. Для девелоперских компаний, работающих на рынке жилья, сейчас настали непростые времена, хотя довольно долго это был весьма высокодоходный и стабильно растущий бизнес. Как известно, чем выше маржа и стабильнее спрос, тем меньше производитель думает о качестве продукта, потому что купят и так. А «Брусника» никогда так не делала. И в этом их крутизна, потому что они для России делают действительно инновационные вещи. Понятно, что деньги никто не отменял, их надо зарабатывать, но это просто можно делать не тупо. Вот они делают это рационально.

Они не строят «человейники». У них мало- и среднеэтажная застройка, с качественными планировками и средой вокруг. Это философия, которую они несут в общество.

Очень часто заказчик и архитектор находятся в антагонизме. Архитектору кажется, что он — «за все хорошее», а застройщик — это «такой жадный жлоб, который хочет помешать архитектору творить добро». А застройщик думает, что он реалист, который знает жизнь, а архитектор — это фантазер, который «неизвестно что курил». Не знаю, как работается с «Брусникой», у нас такого опыта не было, но судя по их проектам, кажется, что они всегда были на стороне добра, однако при этом умеют считать деньги.

— «Самолет» пытался тоже быть прогрессивной компанией. Получилось у него?

— «Самолет» слишком большой. Он недавно начал активно смотреть в будущее и говорить о человекоцентричности, понимая, что это

тренд. Но когда они начинали застройки подмосковных полей, это было максимально далеко от человекоцентричного подхода.

— Возвратимся к теме взаимодействия московских или других прогрессивных внешних команд и местных: есть какой-то механизм снятия противоречия?

— Да, конечно. Когда Наталия Фишман, курировавшая создание комфортной среды в татарстанских городах, пришла работать в Татарстан из «Стрелки», перед ней стояла задача сделать большую программу благоустройства Республики. Она исследовала местную архитектурную среду и поняла, что только местными силами ей не справиться. Просто у местных архитекторов не было подобного опыта. Они рисовали интерьеры квартир, торговые центры, какое-то жилье… Других заказов не было. И тогда Наталия Фишман пошла к знакомым московским архитекторам, стала их расспрашивать, сколько будет стоить в их исполнении эта работа. Цены, которые ей назвали, ее не устроили. А ее работодатель ей сказал: Наташа, расти местные кадры, зачем нам нужны «варяги»? Тогда она сделала серию архитектурных воркшопов, куда пригласила знаменитых московских и молодых татарских архитекторов. И произошло такое «перекрестное опыление». Кто-то поупражнялся в работе с новыми территориями, с молодыми специалистами со свежим оптимизмом, а кто-то просто чему-то научился. В результате в Татарстане сегодня одна из сильнейших архитектурных команд.

— Есть ли сейчас в городской архитектуре тренды? И если есть, в чем они состоят?

— Есть, конечно. Можно найти тренды даже на уровне моды на какие-то формы. Условно говоря, два года назад все новые дома были с арочками. Чем больше арочек, тем круче, тем дороже

квартиру можно продать. Если говорить про рыночный тренд, то очень сильно на архитектурный рынок повлияла льготная ипотека.

— Как именно повлияла ипотека?

— Случился бум жилищного строительства и, соответственно, проектирования. Все как ненормальные проектировали километры, километры, километры этого жилья. Всё остальное было неинтересно. Девелоперы решили, зачем платить каким-то непонятным бюро, лучше открыть у себя проектные отделы. Все архитектурные бюро с ужасом наблюдали, как их сотрудники переходят к девелоперам на зарплаты в два раза выше рыночных. Даже анекдот появился: если твой сотрудник пришел сегодня на работу в белой рубашке и костюме, значит, вечером он идет на собеседование к девелоперу. Но вдруг льготная ипотека закончилась. И сейчас рынок застыл в ожидании.

— Как это повлияло на ситуацию в Москве?

— Стали строить очень много жилья, в том числе по программе реновации. И московские власти почувствовали, что это несет угрозу: столица заполнится огромным количеством не слишком выразительных, очень похожих друг на друга зданий. Сергей Семенович Собянин сказал, что лично теперь будет смотреть каждый архитектурный проект. За тем, чтобы на согласование к мэру попадали только наиболее качественные и профессиональные проекты, следит главный архитектор города Сергей Олегович Кузнецов. А у него установка такая: всю фоновую архитектуру в Москве уже построили. «Коробочек» нам хватит. Теперь каждый дом должен иметь максимально выразительный силуэт, максимально выразительный фасад. И каждый архитектор пытается удивить вначале архитектора города, потом мэра.

Правда, за последний месяц случилось несколько событий, когда как будто бы это стремление к выразительности достигло апогея и хлынуло через край. Вся архитектурная общественность бурлит по поводу сноса Большого Московского цирка на проспекте Вернадского и здания СЭВ на Новом Арбате. На их месте предлагается безусловно выразительные, но крайне неоднозначные проекты.

— В 1990-е — начале 2000-х годов многие города были очень серьезно деформированы архитектурными ранами. Насколько это поправимо для ближайших поколений?

— Очень хотелось бы снести некоторые дома, построенныев конце прошлого и начале этого века… Что больше всего печалит? Это жилые «человейники», которыми застроены бывшие поля на окраинах очень многих наших городов. В Гонконге, например, небоскребы, возведенные в 1970-х годах, сносят, потому что они теряют в цене. Уже земля под ними начинает стоить дороже, чем совокупная стоимость квартир. Наш пример — реновация в Москве. Я надеюсь, что будет включаться этот механизм. Если экономический рост немного взбодрится, если недвижимость и земля будут дорожать, то эти уродливые дома рано или поздно уйдут.

— А что можно сказать о трендах в объектах, формирующих лицо города: театры, стадионы, вокзалы..? На что сегодня запрос?

— Вспомним недавнюю историю, когда впервые стало можно что-то большое построить за частные деньги. Появились довольно странные проекты. Иногда это на какой-то дворец похоже, иногда там какая-то башенка… А потом двое остроумных питерских архитекторов придумали определение стиля: «капром» — «капиталистический романтизм».

И это очень наше явление. Люди, на чьи деньги заказываются эти странные проекты, как правило, люди с бедным детством. Но вот у них появились деньги, и они хотят сказки, чтобы было нарядно и красиво в их понимании красоты. Так появились все эти башенки и недозамки.

Казалось, что сейчас заказчик цивилизовался. Люди поездили, посмотрели на мир и успокоились. В большинстве случаев теперь формируется запрос на что-то другое. Тот же самый наш с Kengo Kuma театр Камала. Это уже совсем не похоже на кукольный театр «Экият», построенный неподалеку от него десятилетием ранее.

Для современного московского стиля Сергей Кузнецов придумал термин emotech, что означает «эмоциональный» и «технологичный». И действительно, архитектура, которая сегодня появляется в Москве, близка этому стилю.

Но возвращаюсь к цирку и СЭВ: как будто бы тот самый «капром» никуда не исчез. Так что сложно сказать определенно, где мы сегодня и куда мы идем. Пройдет 20 лет, станет виднее.

— Можно дать несколько советов потенциальному заказчику, градоначальнику или представителю крупной компании? Каковы основные ошибки, возникающие при проектировании?

— Залог успеха проекта — партнерские, доверительные отношения с архитектором в процессе работы; понимание, что нужно каждой стороне в этом проекте, в чем его идея; согласованные действия. Поэтому и партнеров нужно выбирать осмотрительно. Понимать, что это долгий сложный путь, что любая стройка — это большие затраты. Поэтому сразу надо осознавать, насколько вы готовы с этим архитектором в ближайшие год-два, а то и пять,

прожить в близком общении. Ине всегда стоит доверять собственному вкусу (только если не строите свою личную дачу). Важно понимать: то, что вы делаете, — это не для себя. Вполне возможно, что это делается для людей, вкусы которых могут отличаться от ваших довольно кардинальным образом.

— А бывает так, что общество пересматривает отношение к объекту? Например, Исаакиевский собор в Питере в свое время вызвал бешеную критику, но потом общество поменяло к нему отношение, теперь это одно из самых знаковых зданий в городе. Это под влиянием чего происходит? Ну, не только же привыкают?

— Именно такие одиозные объекты в какой-то момент перестают быть одиозными. Не всегда, правда. Скажем, какой-нибудь ТЦ «Наутилус» в Москве так никто и не полюбил. На новое очень часто бывает негативная реакция. Еще раз вспомню нашу последнюю постройку: новое здание театра Камала в Казани. Оно только-только было достроено, наконец на фасаде и внутри смонтировали подсветку, и мы захотели объехать здание вокруг и посмотреть на него со всех сторон. Пытаемся таксисту объяснить, как нам надо проехать, — он спрашивает: вы что, на этот металлолом хотите посмотреть? Мы удивляемся: почему металлолом? Ну, так прозвали, и у нас в городе, говорит, никому не нравится. Я подумала: слава Богу, если бы он сказал, что всем нравится, все в восторге, у меня был бы очень большой вопрос к тому, что мы сделали. И здесь нет никакого кокетства. Тот же кукольный театр «Экият», своего рода пряничный домик на стероидах, людям нравится.

Когда объект появляется, он понятен небольшому кругуу профессионалов. Жители города сживаются с ним постепенно. Знаете, как новичок в школьном классе: вначале непонятно — кто это, что это. Потом образуются какие-то связи, он становится понятнее как личность, и вот — проходит время, и уже никто не

помнит, что он был чужаком.

А когда объекту 100 лет, это уже своего рода классика, все к нему привыкли, никто не подвергает его сомнениям.

— Как Вы с японцами делили работу над проектом театра Камала? Зачем они потребовались?

— В 2021 году был объявлен международный конкурс. На тот момент в нем участвовали и немцы, и англичане, и команды из России. У нас с Kengo Kuma был консорциум, и нам удалось победить. За основную архитектурную идею отвечали японцы; мы — за планировки, соблюдение нормативов, более приземленные вещи.

После победы в конкурсе в начале февраля 2022 года проект поставили на паузу. Но ближе к концу года стало понятно, что театру быть. Дальше нам, к огромному сожалению, пришлось до минимума сократить совместную работу с японцами. Надо сказать им огромное спасибо, что они, на самом деле, всё время оставались с нами. Скорее, в роли, скажем так, менторов, кураторов, авторов идей, безусловно, где-то подсказчиков. Но всю архитектурную часть проекта нам уже пришлось выполнить самим, что для нас было сверхусилием, потому что изначально мы планировали, что будем делиться по зонам.

— Архитектура — наиболее «навязчивая» форма искусства, которой не избежать. И в этом смысле она наиболее социальная форма. Можно назвать пять самых удачных проектов в России за последнее время? И чтобы в этом списке был только один Ваш (остальные все чужие)?

— Начну все-таки с того же театра Камала. Там есть чем гордиться. Это вполне солидное архитектурное событие как минимум на уровне страны.

Остальные придется, наверное, назвать «виртуально», потому что я не всё видела воочию.

Мне кажется, классный проект Пакгаузов в Нижнем Новгороде.

Крутой дом не российского архитектора, но в России. Это штаб-квартира «Русской медной компании» в Екатеринбурге, дом, спроектированный бюро Нормана Фостера.

Высоко оцениваю визит-центр парка Кудыкина гора, который сделало бюро Megabudka.

Очень интересный Музейный комплекс Зои Космодемьянской в Подмосковье. Для меня — эталон современного небольшого музея.